

June, 2007
**The Pathfinders (the Sinyavsky-Daniel show trial. Folder
41. The Chekist Anthology**

Citation:

"The Pathfinders (the Sinyavsky-Daniel show trial. Folder 41. The Chekist Anthology," June, 2007, History and Public Policy Program Digital Archive, Contributed to CWIHP by Vasili Mitrokhin. <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/110342>

Summary:

In this case Mitrokhin provides a history of the Sinyavsky-Daniel show trial. Between 1959 and 1962 two unknown Russian authors (pseudonyms Tertz and Arzhak) published two anti-soviet books, "This is Moscow Speaking" and "The Trial Begins," in Western countries. The KGB was not familiar with the authors and did not know where they lived. According to Mitrokhin, KGB agent "Efimov" discovered that a litterateur from Moscow, Yuliy Daniel, had some anti-soviet materials. In the beginning of 1964 the analysis of all available information proved that Daniel was the author of "This is Moscow Speaking" and that his pseudonym was Arzhak. It was soon discovered that Tertz, whose real name was Sinyavsky, was Arzhak's close friend. The KGB began a new operation "The Imitators," which helped to learn about their connections abroad, new works in progress, places where authors kept their original writings as well as the means they used to ...

Original Language:

Russian

Contents:

- Russian Transcription

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

В парижском польском эмигрантском литературно -политическом журнале "Культура" в 1959 году напечатано произведение "Суд идёт", автором его был некто Абрам Терц. Позже в зарубежных изданиях стали печататься произведения Николая Аржака. Книги этих авторов изданы на 24 языках в Западной Европе и Америки, они печатались в журналах "Культура", "Эспри", "Лон" (Париж), в энтэсовских газете "Посев", журнале "Грани", выпускались издательством белоэмигранта В.Филиппова в Вашингтоне, нью-йоркскими издательствами "Пантеон букс", "Виджер букс", лондонским "Коллингс букс", итальянскими "Санжаторе" и "Темпо презенте", хельсинским "Акционерным обществом Вернер Сёдерстрём" и другими.

В повести Аржака "Говорит Москва" жизнь в Советском Союзе изображена так, как будто всё происходит в огромном концентрационном лагере, где народ задавлен, запуган, бесправен. Люди в нём оболванены настолько, что слепо подчиняются всяческому разнузданному произволу властей и помогают проведению самых диких мероприятий, отбрасывающих страну к первобытному состоянию. Рассказы Терца в сборнике "Фантастические повести" показывают торжество насилия властей над личностью, террором была навязана советская общественная система народу, который не верит ни в социализм, ни в марксизм-ленинизм, а лишь притворяется из-за страха. И все остальные произведения этих авторов: "Что такое социалистический реализм", "Мысли врасплох", "Руки", "Человек из Минапа", "Искупление" написаны в таком же духе, по характеру и направлению антисоветские и по заявлению Главлита не подлежат ввозу и распространению в СССР. Кто эти авторы, укрывшиеся за псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак? КГБ предстояло разыскать подыменщиков и он занялся их розыском.

С сочинениями Терца и Аржака были ознакомлены некоторые агенты из специалистов — литераторов и писателей. Отклики противоречивы. Одни утверждали, что разыскиваемые авторы проживают в СССР, и в подтверждение этому приводили выдержки из книг, где показаны детали жизни и быта москвичей, сделаны описания уголков Москвы, которые могут быть известны человеку, хорошо знающему этот город и длительное время проживающему в нём. Это подтверждалось и материалами резидентуры ПГУ КГБ в Париже, указавшей, что под псевдонимом Терца скрывается молодой советский литератор, что рукопись его повести "Суд идёт" поступила в Париж из Москвы. Другие, ссылаясь на содержащиеся в произведениях Терца и Аржака

пол 2

очевидные неточности, доказывали, что труды Терца и Аржака сфабрикованы на Западе. Эти суждения совпадали с рапространявшимися в то время за рубежом слухами, что Терц и Аржак живут в одной из стран Европы. Эта версия вовремя не была правильно взвешена и по существу до конца 1963 года считалась одной из основных.

В процессе розыска авторов был определён и проверялся круг лиц из литераторов, в отношении которых имелись компрометирующие сведения и имеющих связи с иностранцами. Проведены негласные обыски и таможенные досмотры у иностранцев, занимающихся сбором информации, проинструктированы специалисты, подобраны агенты, систематически выставлялось наружное наблюдение (НН), подключались службы перлюстрации корреспонденции (ПК) и другие оперативные чекистские средства. От агента "Ефимова" поступило донесение, что у московского литератора по фамилии Даниэль имеются какие-то антисоветские материалы. Одновременно из аппарата уполномоченного КГБ в г. Ялте получено сообщение о том, что другой агент доносит о наличии у того же Даниэля рассказа, за который ему можно дать 15 лет заключения в лагерях. Анализ многих данных позволил к началу 1964 году прийти к выводу, что под псевдонимами Терц и Аржак скрываются советские литераторы, что автором повести "Говорит Москва" и хранящегося у Даниэля рассказа, скорее всего является одно и то же лицо.

Даниэль Юлий Маркович, 1925 года рождения, еврей, беспартийный, поэт-переводчик, с высшим образованием, женат, работает по договорам, проживает в Москве по Ленинскому проспекту 65 квартира 3. Дружит с Синявским Андреем Донатовичем, 1925 года рождения, русским, беспартийным, старшим научным сотрудником Института мировой литературы имени М.Горького, кандидатом филологических наук, членом Союза писателей СССР, проживающим в Хлебном переулке доме 9 квартире 9. Синявский имел многочисленные контакты с иностранцами, с некоторыми переписывался. В мае 1964 года на Даниэля и Синявского заведено дело оперативной разработки "Эпигоны". Устанавливались написанные ими книги, выявлялись способы их доставки за рубеж, определялись места хранения рукописей, производились проверки их связей. Разрабатываемые вели себя настороженно, тщательно проверяли своё окружение, особенно придирчиво относились к новым знакомым, опасаясь подставы КГБ. Такое поведение позволило Даниэлю и Синявскому ещё до заведения на них дела оперативной разработки расшифровать и на так называемом Третьейском суде разоблачить агента КГБ "Гришина". Разработка осложнялась ещё и тем, что Синявский сам раньше привлекался к сотрудничеству с КГБ, а его близкие родственники подвергались репрессиям и отчасти были осведомлены о методах работы органов.

Через агентов были собраны дополнительные сведения на Даниэля и Синявского, о их политических взглядах, творческих планах, режиме работы, увлечениях. На сбор материалов направлены агенты "Ефимов", хорошо эрудированный в литературе и посещавший семью Даниэля, "Медведев", литературный сотрудник московского издательства, "Нора", искусствовед, и другие. В разработку подключено наружное наблюдение, ПК, оперативная техника. У Синявского в квартире оборудована техника подслушивания во время легендированной ему краткосрочной командировки. Установить технику на квартире Даниэля оказалось сложнее, так как там постоянно находились члены его семьи, знакомые, собака. В квартиру соседей Даниэля в качестве их родственника удалось подселить оперативного работника, который за короткое время изучил обстановку в доме, передавал под наружное наблюдение связи, изготовил слепки ключей и подготовил условия для негласного обыска квартиры. Окончательно установлено, что под псевдонимами Терц и Аржак скрываются Синявский и Даниэль. Были произведены негласные обыски в их квартирах и местах возможного хранения рукописей, добыты образцы почерков, шрифтов пишущих машинок, обнаружена и сфотографирована машинописная рукопись Даниэля под названием "Искушение". С поступлением из-за границы всех изданий произведений Синявского и Даниэля проведены лексико-стилистическое, почерковедческое и другие экспертизы. Одновременно разрабатывались их связи, велся сбор вещественных доказательств, определялся круг свидетелей по делу, определялись способы передачи рукописей за границу. Принято решение реализовать дело. Предстояло выбрать такой момент, который бы обеспечивал захват с поличным. Принималось во внимание, что Синявским была изготовлена рукопись к переправке за границу и прехвачено службой ПК местное письмо на имя Синявского без обратного адреса, в котором некая Альфреда, видимо, иностранка, приглашала Синявского на свидание в гостиницу "Бухарест". Выяснено, что отправительницей письма была гражданка Франции Альфреда Окутюрье. Она являлась связью Элен Замойской-Пелетье, дочери бывшего военно-морского атташе Франции в Москве, которая способствовала Синявскому и Даниэлю переправлять рукописи за рубеж. За Синявским и Даниэлем велось круглосуточное наружное наблюдение, а специальной оперативной группе поручено задержать Окутюрье с поличным в момент передачи ей рукописей Синявским. Первая встреча Окутюрье с Синявским была у него на квартире, но от передачи материалов на этот раз Синявский уклонился. Через несколько дней Окутюрье вторично встретилась с Синявским близ станции метро "Речной вокзал", негласно велась киносъемка их встречи, передача материалов не зафиксировано. У неё провели

тщательный таможенный досмотр на контрольно-пропускном пункте в Бресте, материалов Синявского не найдено.

В сентябре 1965 года КГБ возбудил уголовное дело на Синявского и Даниэля по факту распространения печатных изданий по признаку части 1 статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР. Синявский был арестован, через 5 дней был задержан в Новосибирске Даниэль и доставлен в Москву. На следствии они признались, что являются авторами произведений, но они не пересылали своих книг за границу через Замойскую-Пелетье, а распространяли их среди знакомых в Москве, и отрицали, что их произведения являются антисоветскими и что писали и распространяли их с целью ослабления советской власти. Разработка их продолжена и в тюрьме, в Лефортовском следственном изоляторе. Внутрикамерный агент "Михайлов" сумел расположить к себе Синявского, войти к нему в доверие. В ноябре 1965 года по случаю "освобождения" "Михайлова" Синявский просил агента связаться с его женой, обусловил систему оповещения, о характере свидетельских показаний по делу. Особенно Синявский интересовался судьбой его ближайшей связи - Ремизова, кандидата филологических наук, главного библиотекаря Всесоюзной библиотеки иностранной литературы. Синявский хотел получить сведения от жены в продуктовой и вещевой передаче в тюрьму, для чего отработал с "Михайловым" ряд условностей и пароль для жены. Использование этих условностей в оперативных целях оказало определённое влияние на поведение Синявского и дало следствию новые ценные материалы о его связях, в частности о Ремизове. Была активизирована разработка Ремизова как возможного автора произведений за рубежом под псевдонимом И.Иванов. Умело используя имевшимися данными, следствие вынудило Ремизова признаться в авторстве пьесы "Есть ли жизнь на Марсе?" и статьи "Американские муки русской совести" и дать показания о Синявском. Но некоторое время спустя у Ремизова наступило чувство подавленности, вынашивал мысль о самоубийстве. Поведение Ремизова контролировалось оперативной техникой, наружным наблюдением, установлено круглосуточное дежурство оперативного работника, чтобы предотвратить попытку самоубийства. Предполагалось выделить дело Ремизова в отдельное производство, а самого выставить свидетелем обвинения. Жёны Синявского и Даниэля деятельно вели обработку свидетелей, склоняли их к отказу от показаний, стремились создать вокруг нервную обстановку, дискредитировать перед общественностью следственные мероприятия, создавали выгодное общественное мнение, собирали подписи в защиту обвиняемых у известных в стране писателей, людей искусства. Константину Симонову удавалось как-то ловко увиливать поставить свою фамилию в защиту писателей. Жена Даниэля искала пути передачи информации на Запад. Именно это представляло особую

опасность, так как оттуда эта же информация поступала в Советский Союз через западные радиостанции, голоса которых советские люди с жадностью ловили коротковолновыми приёмниками сквозь чумное глушение КГБ. Чека приняло предупредительные меры, чтобы воспрепятствовать этому. Ремизова, который подвергался давлению со стороны жён подследственных, через Министерство культуры отправили в "служебную" командировку в Курск и Тулу, где его поведение было под контролем местных органов КГБ. Жене Даниэля под видом иностранца подставлен нелегал КГБ, которому был приобретен специальный бизнес-тур. В итоге, собранные женой Даниэля материалы для пересылки за границу, оказались в руках КГБ. Через руководство и членов партийного бюро Института мировой литературы, отделения литературы и языка АН СССР, преподавателей МГУ, Союз писателей КГБ воздействовал на литературную среду, писательскую общественность, публиковались направленные статьи.

10-14 февраля 1966 года судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР судила Синявского и Даниэля за мировоззрение, за печатание своих произведений в зарубежных издательствах. Свидетелей было только 6 человек и все они выгораживали подсудимых. Голомшток отказался назвать лиц, у которых он брал для чтения сочинения Синявского и Даниэля, а Дувакин, доцент МГУ, восхвалял Синявского, так много сделавшего для развития советской и русской культуры. Синявский приговорён к 7 годам, а Даниэль к 5 годам лишения свободы и содержания в лагерях. Свидетель Голомшток за отказ от дачи показаний привлечён к уголовной ответственности.

В 1970 году органами КГБ была пресечена попытка Якира и других организовать торжественную встречу Даниэлю по случаю его освобождения из заключения и прибытия на жительство в Калугу.

После отбытия срока наказания Синявский с женой уехал на Запад, поселился во Франции, стал колоритной личностью среди эмигрантов. Но с приездом на Запад Солженицына Синявский отошёл на задний план, как и другие фигуры, претендовавшие на лидерство. Солженицын своим именем бросил тень на всех тех, кто кормился политикой, сразу же обозначились разногласия Солженицына и Синявского. Горечь досады сквозит в отзыве Синявского о Солженицыне, которого встречают с хлебом и солью, а он поступает как хам, навещающих своих вассалов, они платят ему дань уважения, а тот выступает назидательно и поучает. КГБ продолжал вести наблюдение за деятельностью Синявского и в Париже. В ноябре 1974 года в Париж отбыла советская делегация телевидения. В её состав включён оперативный работник КГБ Иванов Евгений Фёдорович в качестве заведующего отдела дирекции программ телевидения. Ему поставлена оперативная задача: встретиться в Париже с Синявским и его женой Розановой-Кругликовой. С ними он долгое

-8-

время в последние годы в Советском Союзе поддерживал оперативный контакт, в ходе которых удавалось удерживать Синявского от антиобщественных поступков. Иванов должен оказать на Синявского выгодное влияние, выяснить причины почему Синявским допускаются враждебные высказывания, идущие вразрез его письменному заверению, данному КГБ, "не выступать за границей с враждебных Советскому Союзу заявлениями и интервью". И ещё, получить информацию по журналу "Континент", отработать условия связи.

В августе 1979 года агент "Искатель" был в Париже, встретился с Синявской, которая вручила ему лекарство для их общего знакомого, писателя Даниэля, перенесшего в Москве инфаркт. Агент знаком с К.Салгир, встречался с Глезер, со многими писателями и художниками. После публикации книги "Прогулка с Пушкиным" в эмиграции стали поговаривать, что Андрей Синявский теряет уважение эмиграции, изображая поэзию Пушкина как легковесную, пустую, никчемную, а самого Пушкина некрофилом. Газета "Новая газета", редактируемая Романом Гуль, обвинила Синявского в измене России, русской истории. Лично сам Гуль написал статью против Синявского под заголовком "Прогулка хама с Пушкиным".

Агенту КГБ "Пескову" во время поездки его в Париж в 1980 году поставлена задача: восстановить контакт с Синявским, Горбаневской, узнать их материальное положение, политические взгляды, положение в диссидентской среде, связи, степень участия в подрывной деятельности против СССР, процессы в редакции журналов "Континент", "Синтаксис", уточнить адреса редакционных коллегий журналов, режим работы, фамилии французских журналистов и издателей, сотрудничающих с этими журналами, характер разногласий между Эткинд, Максимовым и другими, представить наводки на лиц, представляющих интерес для КГБ. Польский писатель Виктор Ворошильский (разработка МВД ПНР) после встречи с Синявскими рассказывал: - Жена Синявского мила, интеллигентна, но к мужу относится как к посаженному на цепь медведю. Синявский высказывал мнение, что нельзя рвать нити и от каждого человека требовать героизма, что таким образом дойдёт до утраты связей с обществом.

Мая Розанова, жена Синявского, является главным редактором журнала "Синтаксис", издающегося в Париже. Среди диссидентов во Франции распространялся о ней один анекдот, который отражает суть её характера и внешность. Мая покупает в лавке веник для хозяйственных нужд по дому, продавец спрашивает:

-Вам завернуть или сразу полетите?

7-

Указание имён

Аржак Николай
Ворошильский Виктор
Голомшток
Горбаневская
"Гришин"
Гуль Роман
Даниэль Юлий Маркович
Дувакин
"Ефимов"
Замойская-Пелетье Элен
Иванов Евгений Фёдорович, сотрудник КГБ
Иванов И.
"Искатель"
Максимов
"Медведев"
"Михайлов"
"Нора"
Окотюрье Альфреда
"Песков"
Ремизов
Розанова-Кругликова Мая
Сапгир К.
Симонов Константин
Синявский Андрей Донатанович
Солженицын
Терц Абрам
Филиппов В.
Эткинд
Якир

Названия

Виджер букс
"Грани", журнал
Коллингс букс
"Континент", журнал
"Культура", журнал

8-

"Лон", журнал
Пантеон букс
"Посев", газета
Санжаторе
Темпо презенте
"Эспри", журнал

Нк - каружене наблюдение

ПК - перлюстрация корреспонденции